

«...СМОТРЮ НА ЛЮДЕЙ С УДИВИТЕЛЬНЫМ ИНТЕРЕСОМ»

НАШ КАЛЕНДАРЬ

К 90-летию
со дня рождения
Ефима ЗОЗУЛИ

СТОИТ вспомнить имя писателя Ефима Зозули, и я представляю себе редакцию «Огонька» в старом одноэтажном особняке на Страстном бульваре, 11, и его кабинет, заваленный горами рукописей, фотографий, гранок, всякой всячины, без которой не обходится выпуск иллюстрированного еженедельника. Во всем этом Ефим Давыдович умел как-то ловко разбираться, находить нужное и одновременно беседовать с авторами, сотрудниками редакции, начинающими поэтами, приходившими на очередное занятие литобъединения «Огонька».

Объединение было его любимым детищем, ему он отдавал немало сил и внимания. Здесь пробовали свои голоса, делали первые шаги многие молодые поэты тридцатых годов.

Он часто жаловался, что работа в редакции, журнальная текучка отвлекают его от творчества, не дают закончить роман. Но я подозреваю, что он не мог жить без этой редакционной сутолоки, без легучек и планерок, без свежего, пахнущего краской номера журнала, выход которого значил для него не меньше, чем вернисаж для художника или концерт для музыканта.

Ефим Зозуля начал печататься еще в дореволюционной Одессе. И уже в ранних произведениях его выявилось острое недовольство существовавшим укладом жизни, отрицание всего, что мешало человеку чувствовать себя

человеком. Это — и в очерках, повествующих, продолжая купринскую тему, о жестокости нравах армейских казарм, и в рассказах о так называемых маленьких людях — одиноких, затерянных, неприкаянных, не находящих себе места в равнодушном, холодном городе. То это молодой человек, встречающийся с нелюбимой и скучной женщиной и живущий призрачной мечтой об актрисе, увиденной им на экране в кино; то лакей в кафе, не имеющий права ни на минуту отвлечься от своих лакейских обязанностей; то жалкая девушка, решившая зарабатывать на хлеб предсказанием будущего.

Позднее Ефим Зозуля напишет о вздыбленном и беспокойном, устремленном вперед времени, о скромных, малозаметных героях гражданской войны. С гневом обрушится на обывателей, мешанин, приспособленцев. С любовью и уважением расскажет о людях, в которых проявляются малейшие приметы нового. Он ведь давно признался ус-

богатеишем господине, покупавшем людей, чтобы превращать их в живую мебель. Здесь и новелла о желчном, облезлом меднике, вздумавшем создать трубу, звук которой оглушил бы весь город. Здесь и странная история изобретателя «Граммофона веков», воспроизводящего голоса и звуки всех времен и эпох, история человека, потрясенного результатами своей выдумки. В этих произведениях писатель выступает как продолжатель традиций русской сатирической прозы. Здесь можно было бы вспомнить и Гоголя, и Щедрина.

Мне нравится и сам стиль Ефима Зозули. Его умение быть немногословным, лаконичным и при этом весьма выразительным. Вот он пишет о скрипичной музыке: «острые звуки скрипок». А вот перед нами люди из скромного парижского кафе — «с потертыми, неприятными и странными лицами маленьких и бедных актеров». Как точно передано впечатление от старого, дореволюционного кинематографа: «На экране шла «хроника»: итальянские войска, ни за что не желая идти в такт кинематографической музыке, спешили куда-то, волоча тяжелые орудия, словно детские игрушки». «Вошел бывший местный аптекарь Лысевич — полный, желтый, испуганно-корректный» — тут играет все: и три определения человека, и сама фамилия его. «Бывает так: на большом лице — крохотная улыбка, как на огромной темной площади осенью один

фонарь керосиновый с ограниченным кругом света. А у Козина наоборот: небольшое лицо, а улыбка большие лица. Даже неизвестно, как помещается...». «Он произносил свои речи с глубочайшей бережностью. Так иногда чернорабочий ест слобную булку. Он держит ее за край грязной, заскорузлой рукой, откусывает, почтительно жует и смотрит на откусанное место». Все это зорко подмечено, цепко схвачено и сжато сформулировано.

И еще об одном. Недавно мы отметили 40-летие разгрома гитлеровцев под Москвой. В связи с этой датой особенно уместно вспомнить Ефима Зозулю. Ведь он был в числе защитников Москвы. В самое трудное время, когда решалась судьба столицы, Ефим Давыдович вступил в ряды московских ополченцев, обучавшихся воинскому делу прямо под огнем врага, сделавших все, чтобы хоть на день, хоть на час задержать продвижение фашистов.

Ежегодно писатели — ветераны войны, вдовы и дети погибших фронтовиков собираются у мемориальной доски в Доме литераторов, чтобы почтить память наших соотечественников, не вернувшихся с войны. Среди их имен врезано в мрамор и имя Зозули — интересного писателя, блистательного редактора и журналиста, доброго литературного наставника, веселого и остроумного человека, мужественного и верного солдата.

Михаил МАТУСОВСКИЙ